

STUDIA PHILOLOGICA

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК 14

Ответственный редактор
Ф. С. Капица

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2010

СОДЕРЖАНИЕ

Монографии и диссертации

<i>О.А. Туфанова.</i> Творчество Аввакума: поэтика трагического	9
<i>Ф.С. Капица.</i> Старопечатный Пролог (исследование и тексты)	141
<i>А.Н. Ужанков.</i> Теория стадийного развития русской литературы XI – первой трети XVIII в. и литературных формаций.	185
<i>Ф.С. Капица, Т.М. Колядич.</i> Образ Древней Руси в современной прозе.	258

Статьи и исследования

<i>Е.М. Верещагин.</i> Поведенческая парадигма мучеников Маккавеев и ее влияние: филологическая интерпретация	360
<i>О.В. Гладкова.</i> К вопросу о символическом подтексте «Повести об авве Герасиме и льве» из Синайского патерика	398
<i>А.С. Демин.</i> Символика и изобразительность в древнерусских произведениях XI–XIII вв. («Повесть временных лет», «Слово о Законе и Благодати», «Слово о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника»).	438
<i>А.С. Демин.</i> «Повесть временных лет» и «Хроника» Георгия Амартола (к вопросу о повествовательной эволюции летописи)	457
<i>В.С. Савельев.</i> Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам «Повести временных лет»)	484
<i>Л.А. Черная.</i> Птичка на огненной колеснице... (Образ души человеческой в древнерусской культуре) . .	517
<i>Т.М. Колядич.</i> Понски своего лица. Становление парадигмы воспоминаний (К постановке проблемы)	528
<i>Г.П. Чинякова.</i> «Слово Палладия мниха» в русской рукописной книжной традиции	552

<i>В. М. Кириллин. Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище»</i>	568
<i>И. В. Трофимова. Повесть о походе Святослава Всеволодовича на волжских булгар в 1220 г. в летописных сводах XV–XVI веков.</i>	628
<i>Р. В. Бахтурина. Южнорусские диалектизмы в памятнике XVI века «Назиратель» (к истории перевода)</i>	641
<i>Присцилла Хант (США). «Пятая челобитная» Аввакума к царю и ритуальный процесс.</i>	652
<i>М. Е. Башлыкова. О некоторых особенностях структуры житий святых в составе «Киево-Печерского патерика»</i> .	690
<i>А. В. Архангельская. Изображение животных в русских стихотворных фациях XVIII века.</i>	708

Юбилей

<i>А. А. Пауткин. Хронологический список трудов проф. А. А. Пауткина</i>	721
<i>А. А. Пауткин. В. М. Гаршин и старообрядческая литература XVII в. («Заметки о художественных выставках»)</i>	726
<i>А. А. Пауткин. Древнерусская книжность в художественном мире А. Н. Толстого (к проблеме соотношения средневековой и новой литературы)</i>	733

Публикации

<i>С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. «Хождение в Святую землю» Варлаама Леницкого: исследование и публикация текста памятника.</i>	747
<i>Ф. С. Капица. Материалы к изучению Старопечатного Пролога</i>	797
<i>В. А. Александров. Архивные материалы по древнерусской литературе и культуре в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.</i>	883

**МОНОГРАФИИ
И ДИССЕРТАЦИИ**

О.А. Туфанова

ТВОРЧЕСТВО АВВАКУМА: ПОЭТИКА ТРАГИЧЕСКОГО

Введение

Трагическое как философская и эстетическая категория характеризует «неразрешимый художественный конфликт (коллизия), развертывающийся в процессе свободного действия героя и сопровождающийся страданием и гибелью героя или его жизненных ценностей»¹. Трагическое предполагает свободную активную деятельность человека, восстающего против судьбы и борющегося с ней. Субъект трагического действия — героическая личность, стремящаяся к достижению возвышенных целей, поэтому категория трагического тесно связана с категорией возвышенного.

Представление о трагическом формировалось начиная с античных времен. Первая систематически развитая концепция трагического в искусстве дана в «Поэтике» Аристотеля². Глубокое философское понимание трагического было сформировано в классической немецкой философии. Ф. Шеллинг рассматривал трагическое как борьбу «свободы в субъекте и необходимости объективного»³, а трагического героя — как героя, вынужденного «добровольно нести» «наказание за неизбежное преступление, чтобы самой утратой своей свободы доказать именно эту свободу и погибнуть, заявляя свою свободную волю»⁴. По мнению Гегеля, «в подлинно трагическом должны прийти в столкновение с обеих сторон правомерные нравственные силы»⁵. «Изначальный трагизм» заключается в том, что в трагической коллизии «обе стороны противоположности, взятые в отдельности, оправданны» и могут достигнуть «истинно положительного смысла своих целей и характеров», «лишь отрицая другую столь же правомерную силу и нарушая ее целостность»⁶.

Современный исследователь В. В. Бычков видит «сущность феномена трагического» «в изображении неожиданно возникших страданий и гибели героя, совершившихся... как неизбежное следствие... некой независимой от человека внеш-

ней могучей силы. Герой трагедии, как правило, предпринимает попытки борьбы с роковой неизбежностью, восстает против Судьбы и погибает или терпит муки и страдания, демонстрируя этим акт или состояние своей внутренней свободы по отношению к внешне превышающей его силе и возможности стихии»⁷. Таким образом, в основе трагедийного пафоса всегда лежит какая-то конфликтная ситуация, имеющая общественно-историческую значимость и личную направленность, идущую наперекор общественному развитию.

Проблема трагического мироощущения человека становится особенно актуальной в периоды идеологической ломки, разрушения привычных норм и принципов, традиционных устоев. Таким роковым событием в XVII веке, определившим наличие трагедийного пафоса в произведениях протопопа Аввакума, явились церковные реформы патриарха Никона.

Каковы причины церковного раскола в русском обществе второй половины XVII века? «Отсчет времени, ведущего к расколу», по выражению М. Б. Плюхановой, иногда «начинают с рубежа XV–XVI веков, когда складывались столь важные для будущего старообрядчества идеи о России как о последнем в мире оплоте истинного благочестия»⁸. В этом контексте идея «старой» веры истолковывается как продолжение и развитие теории «Москва – третий Рим», а в центр философской концепции Аввакума ставится прошлое, настоящее и будущее Руси: отстаивание протопопом «старой» веры видится как «пресмысленность духовных начал» и в то же время как отстаивание русской национальной самобытности⁹.

Иногда историю раскола возводят к последствиям эпохи «смутного времени», и тогда реформы патриарха Никона рассматривают как необходимое условие для «регламентации идеологической жизни, придания ей определенного единства, необходимого для восстанавливающегося после эпохи «смуты» дворянского централизованного государства», в котором закреплялись «феодально-иерархическое положение князей церкви и положение церкви в целом, прежде всего как церкви государственной»¹⁰.

В расколе, по мнению отдельных ученых¹¹, сказалось ухудшение положения в XVII веке «самых широких слоев населения России», в этой связи противостояние никониан и староверов интерпретируется как часть народного движения¹².

Зачастую проведение церковной реформы объясняют причинами сугубо внешнеполитическими – стремлени-